

© 1993 г. ХОДОРКОВСКАЯ Б.Б.

К ПРЕДЫСТОРИИ СИСТЕМЫ ВРЕМЕН ИНФЕКТА/ПЕРФЕКТА В ЛАТИНСКОМ И ОСКСКО-УМБРСКОМ ЯЗЫКАХ (Становление системы перфекта)

Характерной особенностью глагола в латинском языке, как и в других итальянских языках, является система времен, состоящая из двух подсистем временных форм, симметрично построенных вокруг двух основ: инфекта (= презенса) и перфекта. Организованная таким образом система ни имеет соответствий в других языках и считается фундаментальной инновацией итальянских языков. Из шести времен латинского глагола только два являются продолжениями общиндоевропейских морфологических категорий: презенс и перфект. Каково происхождение четырех других времен? Как возникли одни образования, содержащие основу презенса (= инфекта), другие — основу перфекта? Каковы были древнейшие семантические оппозиции членов системы и каков был процесс ее формирования?

По сложившейся научной традиции предыстория системы времен в латинском языке реконструируется на основе той модели и.-е. глагола, которая была построена на материале греческого и индоиранских языков и в которой первичной считается категория вида, категория же времени более поздней. А. Мейе, опираясь на теорию глагольных видов и на учение Варрона о двух подразделениях латинского глагола (*verba infecta*, *verba perfecta*), объяснял происхождение латинской системы времен следующим образом. Он считал, что характерное для латинского глагола противопоставление основ инфекта и перфекта восходит к видовой оппозиции, которая в и.-е. глаголе передавалась основами презенса, аориста и перфекта. Инновация в латинском глаголе состояла в том, что на базе двух видовых основ (после слияния аориста и перфекта) развернулись две симметричные системы форм времени — настоящее — прошедшее — будущее: *dīcō — dīcēbam — dīcam* и *dīxī — dīxeram — dīxerō* [1].

Несколько иначе представляет себе становление и этапы развития системы латинского глагола М. Лойман [2, с. 510]. По его мнению, становлению системы перфекта предшествовало формирование полной системы презенса, включающей ряды форм времени и наклонения. По этой модели сформировалась параллельно система форм времени и наклонения от основы перфекта, еще сохранявшего на том этапе значение достигнутого состояния, например, *nōvī* "я знаю". Последующее семантическое изменение перфекта, получившего значение прошедшего времени, повлекло за собой изменение грамматических значений других форм, относящихся к системе перфекта, — от значений абсолютного времени к относительно-временным значениям.

При этой модели реконструкции, построенной чисто умозрительно, не учитываются некоторые языковые факты, имеющие первостепенное значение для восстановления процесса формирования системы времен.

1. Учению об исходном видовом противопоставлении основ инфекта и перфекта противоречит то, что будущее I и будущее II не являются членами видовой оппозиции ни на одном этапе истории латинского языка. Исследования последнего десятилетия также показывают, что видовая оппозиция имперфекта и перфекта имеет место лишь в плане исторического рассказа, что в ран-

ней латыни эта видовая оппозиция еще не имела той степени устойчивости, как в классической латыни, и что видовое значение имперфекта вторично [3]. Х. Пинкстер доказывает, что вообще нет необходимости вводить в описание системы времен латинского глагола категорию вида [4].

2. Принятая модель реконструкции не учитывает целого пласта глагольных форм, стоящих вне системы инфекта/перфекта, это -- сигматические формы типа *faxit*. Наличие этих форм только в текстах ранней латыни и почти полное исчезновение их к периоду классической латыни заставляет видеть в них фрагмент архаичной системы, предшествующей системе форм инфекта/перфекта. Поскольку сигматические формы по своим функциям сходны с будущим II, то не учитывать их при реконструкции процесса формирования системы времен было бы ошибочно.

3. Принимая во внимание, что принципы организации времен в латинском и оскско-умбрском одни и те же, необходимо учитывать данные обоих языков.

В настоящей работе делается попытка выявить методом внутренней реконструкции процесс становления и развития системы инфекта/перфекта в латинском и оскско-умбрском языках. В центре внимания — формирование подсистемы времен перфекта. Для исследования взяты тексты древнейших законов Рима — начиная с законов XII таблиц, относящихся к середине V в. до н.э., и кончая законами первой половины I в. до н.э., — язык которых отличался особой консервативностью и строгим отбором языковых средств.

Для языка законов XII таблиц характерно, что формы плюсквамперфекта индикатива в тексте отсутствуют, формы будущего II встречаются очень редко, но часты сигматические формы глагола. Область их функционирования весьма ограничена: это придаточные предложения условные, относительные, синонимичные условным предложениям и условно-сопоставительные с союзом *ut — ita* "как — так". Например, VIII 21 *Patronus si clienti fraudem faxit, sacer esto* "Если патрон обманул клиента, пусть он будет проклят (= обречен на смерть)"; VII 7 *Viam muniunt. Ni sam delapidassint, qua volet iumenta agito* "Пусть укрепляют дорогу. Если ее не замостят, пусть гонит скот, где захочет"; VIII 1a *Qui malum carmen incantassit...* "Кто будет петь поносящую песню..."; VIII 8a *Qui fruges excantassit...* "Кто колдовским пением сгубит урожай...".

Особенностью языка законов XII таблиц является то, что имеющееся в отдельных таблицах различие между *lex generalis*, формулирующим общее правовое установление, и *leges speciales*, в которых рассматриваются частные случаи, сопровождается языковым различием: употреблением сигматических форм глагола в тексте общего закона и форм перфекта или презенса в частных законах. Ср. табл. V, где излагается наследственное право: V 3 *Uti legassit super pecunia tutelave suae rei, ita ius esto* "Как завещал в отношении денег или опеки над своим имуществом, так по праву должно быть"; V 4 *Si intestato moritur, cui suus heres nec escit, agnatus proximus familiam habeto* "Если умирает, не сделав завещания (тот), у кого нет своего наследника, пусть ближайший родственник владеет имуществом". То же в табл. VIII: VIII 12 *Si nox furtum faxit, si im occisit, iure caesus esto* "Если ночью совершил кражу, если его убил (владелец), пусть считается убитым по закону"; VIII 13 *Luci... si se telo defendit... endoque plorato* "Если днем (владелец) защищается оружием, пусть зовет (свидетелей)"; VIII 4 и 3: *Si iniuriam faxit, XXV poenae sunt* "Если совершил правонарушение (= нанес легкое телесное повреждение), должен быть штраф в 25 (сестерциев)"; *Manu fustive si os fregit libero, CCC, si servo, CL poenam subito* "Если переломил кость рукой или дубинкой свободному, должен быть штраф в 300, если рабу в 150 (ассов)". Тот же порядок следования форм глагола наблюдается в текстах законов, где в пределах одного сложного предложения имеются два придаточных условных: сигматическая форма в первом условном предложении, перфект или презенс во втором. Например, VIII 2 *Si membrum rupsit, ni cum eo pacit, talio esto* "Если покалечил (кого-то), если с ним не дого-

варивается, пусть будет талион"; XII 2 *Si servus furtum faxsit noxiamve nocuit...* "Если раб совершил кражу или нанес ущерб...". Обратный порядок глагольных форм в текстах законов исключен.

Эта особенность функционирования сигматических форм глагола — в первом условном предложении, где говорится об абсолютном, ничем не ограниченном и ни от чего не зависящем условии, позволяет считать, что функция сигматических форм состояла в обозначении действия предшествующего другому действию вне локализации его во времени. Выражение чистого предшествования есть древнейшая семантическая характеристика сигматических форм. Модальные значения, присущие им при употреблении в неюридических текстах, и значение будущего времени, свойственное почти только формам 1 л. ед. ч. [5, с. 148], есть основание считать вторичными.

Сохранившиеся в отдельных сигматических формах флексии: 2 л. ед. ч. *-ses*, 3 л. ед. ч. *-set*, 3 л. мн. ч. *-sent* (например, Plt. Am. 69 *si... ambissent, ... ambisset*), в которых можно видеть следы полумедиальной флексии и.-е. сигматического аориста — согласно гипотезе Ф. Бадер **-s-e* (2—3 Sg.), **-s-nt* (3 Pl.) [6] — (ср. также глоссу Феста 24,10 *astasent* "statuerunt", где форма на *-sent* имеет претеритальное значение [7]) и особый корневой вокализм сигматических форм и следы двух алломорфов суф. **-s-/*-es-* (например, *adiuerit, sierit*) [8] позволяют предполагать, что древнейший слой латинских сигматических форм восходит к и.-е. сигматическому аористу. Следы древнейшей дефектной парадигмы и.-е. сигматического аориста [6, с. 35] с формантом *-u-* в 1 л. ед. ч. и *-s-* в 2 (—3) л. ед. ч. сохранились в латинской парадигме типа *nō-v-ī, nō-s-tī*. Зафиксированная в текстах флексия сигматических форм: *-sō* (и *-sim*), *-sīs, -sīt, -sint* есть результат изменения более древней полумедиальной флексии *-ses, -set, -sent*, которое шло двумя путями: с одной стороны, имела место редукция *e > i* в конечном слоге перед *-s* и *-t*, т.е. *-ses > -sis, -set > -sit*, с другой стороны, проходило обновление флексии сигматических форм, получивших новую оптативную функцию за счет оптативного суф. *-i-*: *-sīs, -sīt*. Смещение тех и других окончаний характерно для ранней латыни [9; 2, с. 609].

Принимая во внимание, что в ходе исторического развития архаичные сигматические формы сменили формы буд. II, относящиеся к системе перфекта, следует полагать, что на более раннем этапе имела место категориальная система "перфект — сигматический аорист", где перфект имел значение состояния типа *teninī* "я помню", а сигматический аорист значение предшествования. Оба члена этой системы характеризовались атемпоральным значением и тем отличались от членов системы презенса, для которых выражение временных противопоставлений было основным.

В оскско-умбрском языке глагольные формы на *-s-* и *-es-* имеют значение будущего времени и принадлежат системе инфекта, т.е. являются вторичными образованиями по сравнению латинскими сигматическими формами, образованными от глагольного корня. Однако в оскско-умбрском есть несколько сигматических словоформ, имеющих черты сходства с латинскими, это — др.-умбр. *-ise* "—isset", др.-умбр. *menes* "veneris", оск. *fust* "erit, fuerit".

Др.-умбр. *-ise* (TI Ib 8), как доказал Э. Феттер [10, с. 180; 11], представляет собой образование непосредственно от корня **ei-* "идти", как и соответствующая ему лат. форма *(amb-)isset*, и стоит вне форм системы инфекта, имеющих основу *ei-* [ср. императив умбр. *etu* "ито", пелигн. *eite* "ите", буд. I умбр. *e(e)st* "ибит"]. Словоформа *-ise* примечательна также тем, что находясь в энклитической позиции в группе *vacetumise*, она сохранила ту же флексию *-s-e(i)*, как и лат. *(amb-)isset*, тогда как в оскско-умбрских формах 2 и 3 л. ед. ч. будущего времени *-e-* перед *-s, -t* синкопируется. Одинаковы также синтаксические условия функционирования латинской и умбрской форм в придаточном условном предложении.

Наибольшее число разноречивых объяснений имеет др.-умбр. *menes* (TI Ib 15)

[12, с. 80]. Сравнение древнеумбрского текста (T1 Ib 15) с параллельным текстом на новоумбрском языке (T1 VIb 52), в котором др.-умбр. *menes* соответствует форма буд. II *benust* "venerit", показывает, что *menes* является формой буд. I глагола *ben-* "приходить". Но от форм этого глагола (ср. буд. II умбр. *benus*, *benust*, оск. *sebust*) словоформа *menes* отличается начальным *m-*, что, по утверждению Феттера [10, с. 182], невозможно объяснить фонетической эволюцией из **benes*. Но и от обычных форм буд. I словоформа *menes* отличается особенностью морфологической структуры. По мнению Р. фон Планта [13, т. I, с. 305; т. II, с. 325], основа настоящего времени этого глагола, как и презентные основы соответствующих глаголов — лат. *veniō*, др.-греч. βαίνω — относится к типу основ на **-je/o-*. Глаголы же этого типа имеют формы буд. I, как правило, на *-ies-*, например, умбр. *fuiest*, ср. презенс конъюнктива *fuiā*. Эти приметы особого положения умбр. *menes* как среди форм глагола *ben-* "приходить", так и среди форм оскско-умбрского буд. I дают основание видеть в *menes* архаизм в древнеумбрском языке.

Представляется возможным следующее объяснение. Сохранившиеся в латинском языке следы архаичных сигматических основ, включающих корень типа *-eR* с нулевым вокализмом и суф. **-es-* (ср. *adiūerit* < **ad-ju-es-*, и.-е. корень **jeu-* "оберегать"; *sierit* < **si-es-*, и.-е. корень **sei-* "ослаблять, отпускать"), позволяют видеть в умбр. *menes* подобную основу **bn-es-* (оск.-умбр. корень **ben-* "идти, приходить", и.-е. корень **g^hem-*, ср. форму сигматического аориста в Ригведе 1,23,23 *agasmahi*). Происшедшая в умбрском языке ассимиляция согласных **bn-* > *mn-* [13, т. I, с. 433] и вокализация сонанта **n* > *en* привели к появлению формы *menes*. Предположение об архаичной морфологической структуре, сохранившейся в умбр. *menes*, поддерживается особенностью ее функционирования в таких синтаксических условиях, где употребляются, как правило, формы буд. II, обозначая действие, предшествующее другому действию. Таким образом, морфологические особенности и значение предшествования дают основание видеть в форме *menes* образование, относящееся к более глубокому слою языка.

Оск.-умбр. *fust* — единственная сигматическая форма, имеющая значение буд. I "erit" и буд. II "fuerit". Так в тексте Бантийского закона (Ve 2,28—29) в придаточном условном предложении: *pr(aetur) censtur bansae [ni pis fufid nei suae q(uaestur) fust nep censtur fuid nei suae pr(aetur) fust* "Претором, цензором Бантии пусть ни один не будет, если он не был квестором, и цензором пусть не будет, если он не был претором". Соединение двух различных значений в одной форме *fust* настолько необычно для оскско-умбрского языка, в котором каждое из них является категориальным значением буд. I или буд. II, что предпринимались попытки реконструировать формальное различие между *fust* "erit" и *fust* "fuerit" [13, т. I, с. 136; 14, с. 137]. Согласно же более распространенному мнению [15, с. 60; 16, с. 167; 17, с. 150], *fust* "erit" представляет собой обычную форму будущего времени, которая входит в систему инфекта (ср. имперфект индикатива оск. *fufans*, имперфект конъюнктива оск. *fufid*, императив умбр. *futu*). Однако при такой интерпретации остается необъясненной двойственность значения формы *fust* "erit" и "fuerit". Представляется возможным следующее объяснение. Первоначально автономное сигматическое образование от корня **fū-* "быть" (и.-е. корень **bhū-*, ср. сигматический аорист греч. ε-φύσα) оск.-умбр. *fust* относится к тому же типу структур, что и др.-умбр. *-ise(t)* и лат. *(amb-)isset*, т.е. **fū-s(e)t*, и подобно этим формам имело первичное значение предшествования. Последующий ход семантического изменения к значению предшествования в плане будущего времени и затем к значению будущего времени аналогичен направлению семантического развития латинских сигматических форм типа *faxō*.

Таким образом, характерные особенности трех сигматических форм — др.-умбр. *-ise(t)*, др.-умбр. *menes* и оск. *fust*: 1) образование не от основы инфекта,

но от глагольного корня, 2) значение предшествования — отличают их от форм буд. I в оскско-умбрском языке, но связывают с архаичными латинскими сигматическими формами глагола. Примечательны также совпадения флексий: окончание 3 л. ед. ч. *-set* [засвидетельствованы умбр. *-ise(t)*¹ и лат. (*amb*)-*jis-set*], окончание 3 л. мн. ч. *-sent*, которое в латинском языке сохранилось в единичных формах (ср. Plt. Am. *si... ambissent*), в оскско-умбрском языке является обычным у форм буд. I [ср. оск. *censaze(n)t* "censebunt"]. Флексию *-sent* обнаруживает единственная латинская сигматическая форма с претеритальным значением, сохранившаяся как глосса Феста 24,10 *astasent* "statuerunt", и также единичная умбрская форма *opse(n)t* "fecerunt" (Ve 234) (и.-е. корень **op-* "работать", ср. лат. *opus* "произведение" [20, с. 780; 21, т. II, с. 217]). Все эти общие латинским и оскско-умбрским сигматическим формам признаки, обнаруживаемые в изолированных архаичных словоформах, позволяют предполагать, что флексия сигматического будущего в оскско-умбрском языке, как и в латинском, восходит к полумедиальной флексии и.-е. сигматического аориста: 3 л. ед. ч. **-s-e* и 3 л. мн. ч. **-s-nt*, согласно реконструкции Ф. Бадер [6].

Различный статус форм на *-s/-es-* в латинском и оскско-умбрском языках: в латыни находящихся на периферии глагольной системы, в оскско-умбрском вошедших в систему форм инфекта — свидетельствует о разном темпе развития глагольной системы в том и другом языке: сравнительно медленном в латыни и стремительном в оскско-умбрском.

Сохранились ли в оскско-умбрском языке следы дефектной парадигмы сигматического аориста типа лат. *pōv-ī, pōs-tī*?

Сигматическое буд. I и II представлены в оскско-умбрском языке формами 2 и 3 л. ед. ч. и 3 л. мн. ч. Формы 1 л. ед. ч. известны только для презенса с окончанием умбр. *-u/*-ō-* (например, умбр. *stahu* "sto") и *-m* (оск. *súm*) и для перфекта с окончанием *-m* (оск. *amanafum* "mandavi"). Но есть одна словоформа, имеющая очень разные толкования.

В VI и VII таблицах Игувинских таблиц в тексте молитвы неоднократно повторяется словоформа *subocau(u)*. Она занимает строго определенное место в тексте: либо в начале в формуле *subocau(u) suboco* (например, VIa 22: *teio subocau suboco dei grabouí*), либо в заключительной части молитвы и тогда только *subocau(u)* (например, VIa 34: *dí grabouie tio subocau*). Сочетание *subocau(u) suboco* по-разному интерпретируется в зависимости от того, считаются ли эти слова двумя формами одного и того же глагола или одно из них признается именем, другое глаголом. Большинство исследователей считает *subocau(u)* формой 1 л. ед. ч. презенса на **-ājō* [16, с. 153; 12, с. 103; 22, с. 186; 23]. Феттер видел в *subocau* форму аблатива существительного типа умбр. *pihacu* [10, с. 239]. Р. фон Планта [13, т. II, с. 362] склонен был видеть в *subocau(u)* форму 1 л. ед. ч. перфекта, хотя отмечал, что исконный и.-е. перфект имеет окончание *-a* в активе и *-ai* в меди. Думается, что при решении этого вопроса нельзя не учитывать особенности написания словоформы *subocau(u)*. В VI и VII таблицах, написанных с использованием латинского алфавита, имеется два вида написания: *subocauu* и *subocau*. Такая же вариантность (*uu* и *u*) отмечается в написании умбр. *saluon* и *saluion* в тех же VI и VII таблицах. Очевидно, что для передачи умбр. согласного /w/ в латинском письме II в. до н.э. в котором не было специального знака для /w/, использовалась удвоенная буква *uu* наряду с простым *u*. Следовательно, *subocauu*, *subocau* отображает фонетическое слово [subokāw]².

¹ В формах 2—3 л. ед. ч. краткое *ē* в конечном слоге перед *-s, -t*, как правило, синкопируется [13, т. I, с. 213; 15, с. 23; 18, с. 132]. Бенедиктссон [19] считает формы буд. I атематическими.

² Р. фон Планта [13, т. II, с. 363] не был уверен в возможности объяснения *subocauu* как /subokāw/, отмечая, что в умбрском дифтонг *ai* монофтонгизировался, например, *uesticos* (< **uesticāust*). Однако позиции дифтонга в этих словах не идентичны: в **uesticāust* произошло сокращение *ā* по закону Остгоффа и краткий дифтонг монофтонгизировался: *au* > *o*; в *subocauu* долгий дифтонг /-āu/ сохранился в исходе слова, как и в других и.-е. языках [24].

Следует сказать, что удвоенное *ui* не отображает умбр. долгого /*ō*/. В латинском письме для передачи умбр. /*ō*/ используются знаки *u* и *o*, но удвоенное *ui* в этих случаях исключено; ср., например, императив на **-tō(d)* — умбр. *feriu*, *deitu*, аблатив на **-ō(d)* умбр. *pihaclu*, *pihaclo*, форма I л. ед. ч. презенса на **-ō* умбр. *stahu*. Поэтому трудно согласиться с толкованием словоформы *subocau(u)* как формы I л. ед. ч. презенса на **āiō* или как формы аблатива на **-ō(d)*. Но видеть в ней форму I л. ед. ч. перфекта тоже маловероятно, так как оскско-умбрский перфект имеет окончания аориста (ср. оск. *manafum* "mandavi") [17, с. 148].

Думается, что в *subocau(u)* можно видеть глагольную форму I л. ед. ч. на **-ā-ū*, входившую некогда в состав дефектной парадигмы сигматического аориста, которую можно сопоставить с латинской формой I л. ед. ч. *nō-v-ī* в парадигме *nōvī*, *nōstī*... и тохарской *prekw-a* в парадигме тох. В *prekwa*, *prekasta*, *preksa*. Обозначая действие, предшествующее другому действию, форма *subocau(u)* противопоставляется форме презенса *suboco*. Начальную фразу молитвы VI а 22: *teio subocau suboco dei graboui* можно понимать: "Тебя я призывал, призываю, Юпитер Грабови" и заключительную фразу VIа 34: *dī grabouie tio subocau* "Тебя я призывал". Умбрский глагол *sub-(u)ocā-* "призывать, умолять", как и латинский глагол *uocāre*, *inuocāre*, принадлежал языку религии, характерно наличие преф. *sub-*, подчеркивающего обращение к богу, ср. лат. *supplex* "умоляющий", *supplicia* "quaedam sacrificia" "некие обряды" [25, с. 1006]. Сохранилась словоформа *subocau(u)* в двухчленной формуле *subocau(u) suboco* в тексте молитвы.

Сохранившиеся в оскско-умбрском языке отдельные сигматические формы глагола, независимые от основы инфекта, и возможность толкования умбр. *subocau(u)* как формы I л. ед. ч. дефектной парадигмы сигматического аориста позволяют реконструировать для оскско-умбрского, как и для латинского языка, протосистему "перфект — сигматический аорист".

В текстах более поздних римских законов III—I вв. до н.э. сигматические формы глагола почти исчезают, их место в придаточных условных и относительных придаточных предложениях занимают формы буд. II. В одном из ранних законов — Аквилиев закон 286 года до н.э., текст которого сохранился в Дигестах [26, с. 46], — в двух следующих одно за другим придаточных предложениях параллельно стоят *faxit* и формы буд. II, что позволяет выявить различия синтаксических условий: *...si quis alteri damnum faxit, quod usserit, fregerit, ruperit iniuria, quanti ea res erit (fuerit/fuit) in diebus XXX proximis, tantum aes ero dare damnas esto* "Если кто-то причинил ущерб другому, (то) что он противозаконно сжег, сломал, испортил, какова будет (была) цена этой вещи в ближайшие 30 дней, такую сумму он обязан отдать владельцу". Как и в законах XII таблиц, сигматическая форма *faxit* употреблена в первой части текста в придаточном условном предложении, в котором говорится о правонарушении в самой общей форме, т.е. формулируется абсолютное условие юридического действия. В следующей части закона в формах буд. II перечисляются конкретные противоправные действия. Их локализация на оси времени зависит от того, к какому времени отнесена последующая ситуация, о которой говорится в законе, т.е. "какова цена сожженной, сломанной или испорченной вещи". Но в этой части текста имеется разночтение: *erit/fuerit/fuit* "будет/была". Если принять чтение *erit* или *fuerit*, то формы *usserit*, *fregerit*, *ruperit* обозначают более ранние действия, относящиеся к плану будущего времени, при чтении же *fuit* эти формы получают значение предпрошедшего времени. Вопрос о значении форм буд. II в раннем юридическом языке становится, таким образом, парадоксальным: какое временное значение было свойственно этим формам — значение будущего или прошедшего времени? Поэтому было бы правильнее пока ограничиться определением этих форм по их форманту: формы на *-erit*.

Формы на *-erit* часто в тексте синтаксически связаны с формами буд. I, при этом чаще всего сначала стоит форма на *-erit*, затем форма буд. I, и этот синтаксический порядок отражает естественную последовательность двух ситуаций в плане будущего времени. Например, *lex repetundarum* 122 г. до н.э. (CIL I² 583,2): *quei dict(ator) cons(ul) pr(aetor)... fuerit, quive filius eorum quous erit* "кто (в это время) будет диктатором, консулом, претором... или кто будет сыном кого-то из них". *Lex Ursonensis* (CIL I² 594,III,4): *isque ad Ilvir(um) adierit postulabitque* "придет к дуумвирам и заявит". *Lex Bantina* (CIL I² 592,3): *sei tribunus pl(ebei)... quaeve ex h(ace) lege facere oportuerit oportebitve, non fecerit* "если народный трибун... не сделает того, что по этому закону требовалось сделать или будет требоваться". В первых двух текстах формы на *-erit* в соотношении с формами буд. I обозначают действие, предшествующее другому действию, и оба отнесены к плану будущего времени. Но значение будущего времени не является обязательной характеристикой форм на *-erit*: в последнем тексте *oportuerit* в соотношении с *oportebit* обозначает действие предшествующее, но его отнесенность к будущему времени не очевидна. *Lex repetundarum* (CIL I² 583,XII): *Pr(aetor)... facito, ut ei CDL viros legat, qui in hoc ceivitate equom publicum habebit habuerit* "Претор обязан выбрать 450 человек, кто в этом городе будет иметь, имел коня...". Последовательность форм *habebit habuerit* обозначает две ситуации: одну, локализованную в будущем времени, и другую более раннюю, которая может быть отнесена к любому плану времени, т.е. к настоящему или прошедшему.

Формы на *-erit* функционируют и в таком синтаксическом контексте, где в рамках одного сложноподчиненного предложения сообщается не об одной более ранней ситуации, но о нескольких, отделенных разным расстоянием во времени от основной ситуации, о которой говорится в главной части предложения. Так, например, в трактате Катона "О земледелии" (146,3): *si emptor legulis et factoribus, qui illic opus fecerint, non solverit, cui dari oportebit, si dominus volet, solvat* "Если покупатель не заплатит сборщикам и маслобойщикам, которые выполнили работу, то, если хозяин захочет, пусть уплатит тому, кому нужно будет дать". Вот еще один пример из того же трактата Катона, где в сходных синтаксических условиях функционируют формы буд. II пассивного залога. 144,3: *legulos, quot opus erunt, praebeto...; si non praebuerit, quanti conductum erit aut locatum erit, deducetur*. "Сборщиков (оливок), сколько потребуется,... пусть предоставит (хозяин); если не предоставит, то сумма, за которую их наняли или подрадили, будет вычтена".

Таким образом, функция форм буд. II активного и пассивного залога — обозначение более ранних ситуаций по сравнению с некоей ситуацией, отнесенной к будущему времени, независимо от того, лежат ли они в плане будущего, настоящего или прошедшего времени. Вот пример употребления формы на *-erit*, обозначающей ситуацию в плане прошедшего времени: в 10-й гл. закона *lex repetundarum* определяются правила назначения защитников по судебному делу (CIL I² 583,X): *sei... volet sibi patronos in eam rem darei, pr(aetor)... patronos civeis Romanos ingenuos ei dato, dum nei quem eorum det... quoiave in fide is erit maioresve in maiorum fide fuerint* "Если (истец) захочет, чтобы ему были предоставлены защитники по этому делу, претор должен дать ему в качестве защитников свободных римских граждан, но пусть не дает никого из них... кто будет (чаходиться) в каком-либо правоотношении, основанном на взаимном доверии (с ответчиком), или предки его были в правоотношении, основанном на взаимном доверии, с предками (ответчика)". В условиях данного семантического контекста, где речь идет не только о правовом положении лица, которое будет защитником в судебном деле, но также о его предках, форма буд. II *fuerint* в соотношении с *erit* обозначает ситуацию в прошедшем времени.

В текстах древнеримских законов изредка встречается такой вид употребления форм на *-erit*, когда в условиях сложного предложения с несколькими

придаточными глагольная форма на *-erit* оказывается синтаксически связанной с перфектом индикатива и, обозначая более раннюю ситуацию, имеет значение предпрошедшего времени. Так в тексте аграрного закона III г. до н.э. (CIL I² 585,18): *sei quis eorum, quorum ager s(upra) s(criptus) est, ex possessione vi eiectus est, quod eius is quei eiectus est possederit...* "Если кто-нибудь из тех, о земле которых написано выше, силой был выброшен из владения, какой (частью) этой (земли) владел тот, кто был выброшен...". В двух тесно связанных между собой придаточных предложениях в которых определяется более ранняя и последующая ситуация: "владение землей" и "насильственное изгнание владельца" — глаголы-сказуемые представлены формой на *-erit* (*possederit*) и формой перфекта индикатива (*eiectus est*). В таком семантическом и синтаксическом контексте глагольная форма на *-erit* имеет относительно-временное значение предпрошедшего времени. Вот еще один отрывок из того же аграрного закона из гл. 65: *Ilvir sei is ager locus, qui ei emptus fuerit, publice venieit, tantundem modum agri locet... ei... reddito* "Если земельный участок, который был куплен для него (истца), был продан в интересах государства, пусть дуумвиры такую же меру земли ему вернут". В законе рассматривается случай, когда в интересах государства продана земля, которая ранее была куплена для частного лица. В тексте эти две ситуации передаются формой перфекта *venieit* "продана" и формой буд. II *emptus fuerit* "был куплен", обозначающей событие более отдаленного прошлого. Опираясь на этот текст аграрного закона, можно интерпретировать следующий пример из закона Юлия о муниципиях 46 г. до н.э. Закон устанавливал правила выборов городских магистратов, запрещая, в частности, выбирать того (CIL I² 593,13): *queive depugna, dei caussa auctoratus est erit fuit fuerit*, "кто нанят для сражения, будет, был (нанят)...". Глагол "быть" в составе сложных глагольных форм указывает на отнесенность действия к определенному времени: *est* — настоящее время, *erit* — будущее, *fuit* — прошедшее. Форма *fuerit* в этом ряду форм может иметь также только временное значение, и поскольку значение более отдаленного будущего по смыслу этого текста невозможно, то единственно возможная интерпретация значения *fuerit* — более отдаленное прошедшее время: "был нанят прежде".

Таким образом, функции форм на *-erit* в текстах древнеримских законов различны: чаще всего они обозначают ситуацию, предшествующую другой ситуации в плане будущего времени, но в определенных семантических и синтаксических контекстах в соотношении с перфектом индикатива выражают предшествование в плане прошедшего времени, т.е. формам на *-erit* свойственны функции двух морфологических категорий латинского глагола: буд. II и плюсквамперфекта.

Необходимо отметить, что в текстах древних законов форм плюсквамперфекта индикатива нет. На этот факт указал Г. Зигерт, объяснив его тем, что языку древнейших законов Рима было свойственно выражение только абсолютного времени [27]. Как показало наше исследование, функции плюсквамперфекта имели в языке законов формы на *-erit* наряду с функциями буд. II. Как можно объяснить это явление исторически? Есть основания думать, что плюсквамперфект индикатива как морфологическая категория был сравнительно поздней инновацией в латинском глаголе. На это указывает не только отсутствие форм его в текстах древнеримских законов, архаизирующий стиль которых способствовал сохранению отдельных черт более раннего периода латинского языка. Не менее важен факт отсутствия сигматических форм глагола, соотносящихся с формами плюсквамперфекта, как это имеет место у форм буд. II, — факт, свидетельствующий, что плюсквамперфект как морфологическая категория не имеет истории, в отличие от категории буд. II. Наконец, сравнение латинского языка с оскско-умбрским показывает, что латинской трехчленной системе перфекта соответствует в оскско-умбрском двухчленная система, в которой никаких следов плюсквамперфекта нет. Все эти данные

позволяют предполагать, что на раннем этапе дописьменной истории латинский глагол имел двухчленную систему перфекта. Противочлен перфекта в системе представлял собой в плане выражения деривационную структуру, в которой комбинировались основа перфекта и флексия. Характерно, что набор флексии, представленный в парадигме этого образования — *-erō, -eris, -erit, -erint* — сходен с флексией архаичных сигматических форм глагола: *-sō, -sis, -sit, -sint*, и поскольку синтаксические функции тех и других форм также сходны, то суф. *-er-* и *-s-* можно рассматривать как отражения двух алломорфов суффикса сигматического аориста: **-es-/*-s-*. Присущая сигматическому аористу алломорфия суф. **-s-* и **-es-*, при которой распределение алломорфов было связано со структурой глагольного корня [8], на новом историческом этапе оказалась устраненной: аорист на **-s-* был вовлечен в процесс семантической и морфологической перестройки перфекта, — сформировалась пансигматическая парадигма перфекта типа *dixi*, — второй же алломорф **-es-* стал аффиксом нового образования. Первичным значением форм на **-es-*, соответствующим исходной форме, в которой основа перфекта указывала на точку отсчета в прошедшем времени и суф. **-es-* на предшествование, следует считать значение предпрошедшего времени, которое в языке древних законов еще обнаруживается в условиях особого синтаксического и семантического контекста.

Причиной структурной трансформации, которая изменила формальную и функциональную связь категорий — членов протосистемы "перфект — сигматический аорист", было значительное расширение семантической сферы перфекта, получившего не только значение законченного в прошлом действия, но также значение актуального прошедшего [4]. В новой категориальной системе, сменившей протосистему, функционально нагруженному перфекту противостояла новая формация на **-es-* с относительно-временным значением предпрошедшего времени.

Происшедшее на следующем этапе обновление формы противочлена перфекта за счет присоединения к **-es-* дополнительного претеритального суф. *-ā-*, усиливающего значение предпрошедшего времени, привело к появлению нового члена в системе — плюсквамперфекта индикатива на **-esā-*. Старые же формы на **-es-*, сохраняя свое относительно-временное значение, получили значение предбудущего времени. Двойное употребление форм на *-erit* в текстах древних законов становится, таким образом, понятным: поскольку в архаизирующем языке законов не допускались "новые" формы плюсквамперфекта, то формы на *-erit* употреблялись не только в уже свойственном им значении предбудущего времени, но в условиях особого синтаксического или семантического контекста реализовалось старое их значение предпрошедшего времени.

В оскско-умбрском языке двухчленная система перфекта состоит из перфекта и буд. II на *-is-*. Из различных объяснений происхождения буд. II на *-is-* более убедительным представляется то, которое выделяет в суф. *-is-* два элемента: *-s-* как суффикс сигматического будущего и *-i-* как показатель основы перфекта [13, т. II, с. 374; 28, 29]. То, что в оскско-умбрском некогда был перфект, сходный с латинским перфектом на *-iī*, позволяют считать, по мнению Дж. Джона [28], такие соотношения форм, как умбр. *portatu — portusi*, лат. *orāre — osc. urusi*, параллельные латинским соотношениям: *sonāre — sonuī, tonāre — tonuī*. С последующим распространением в оскско-умбрском языке более позднего типа перфекта на *-it/-nzi-* старый тип перфекта на *-i-* у глаголов I спряжения вышел из употребления, и следы его сохранились лишь в оск. *urusi*, умбр. *portusi*. Сегмент *-is-*, больше не членимый на две морфемы, стал регулярным формантом буд. II. Это объяснение имеет то преимущество, что оск.-умбр. буд. II рассматривается как деривационное образование, структурно сходное с лат. буд. II. Но оно не отвечает на вопрос, чем вызвано предпочтительное сочетание показателя будущего времени *-s-* с основой перфекта на *-i-*, при том что в оскско-умбрском имеются и другие древние типы перфектной основы.

Кроме того, сходство структуры оскско-умбрского и латинского буд. II остается не доказанным, если не выяснена этимология суффикса буд. II в латинском языке. Джон указывает, что формант латинского буд. II *-eri-* может рассматриваться либо как **-is-e-*, где *-e-* восходит к краткому тематическому гласному конъюнктива, — объяснение, принятое большинством исследователей, — либо как **-i-se-*, где показатель будущего времени *-se-*, возможно, представлен в формах типа *faxit* [28, с. 156].

В связи с этим встает вопрос об элементе *-is-/er-*, участвующем в построении ряда форм системы перфекта в латинском языке, но отсутствующем в оскско-умбрском языке. Не ставя перед собой задачу рассмотрения вопроса об элементе *-is-/er-* в данной работе во всей его полноте, ограничусь следующим замечанием. Сходство оскско-умбрских и латинских сигматических образований глагола обнаруживается в совпадении суф. **-s-/es-* и восстанавливаемой флексии 3 л. ед. ч. **-s-et* и 3 л. мн. ч. **-s-nt*, а также в одинаковом соотношении более ранних сигматических образований, образованных от корня, и более поздних, образованных от основы перфекта. В оскско-умбрском языке древнейшие формы на *-s-/es-*, представленные умбр. *-ise*, умбр. *menes*, оск. *fust* "fuerit, erit", и более поздние формы буд. II на *-us-* объединяются единством элемента *-s-* и единством флексии: 3 л. ед. ч. *-s-t* (**-s-e-t*) и 3 л. мн. ч. *-s-ent*. В латинском языке архаичные формы на **-s-/es-* типа *faxit* и типа *adiūerit* и более поздние формы буд. II также имеют один и тот же ряд окончаний и общий формант **-es-*. Этот факт материального сходства и сходства линии развития в двух языках заставляет предполагать, что элемент *-is-*, имеющийся только в латинском языке, представляет собой нечто позднее и вторичное. Древним в латинском языке является суф. **-es-* > *-er-*, который имеет соответствие в оскско-умбрском *-es-* и восходит к суф. **-s-/es-* и-е. сигматического аориста. Фонетическая цепочка *-is-* совпала с процессом формирования в латинском языке двух новых парадигм перфекта на *-uī* и на *-sī* на основе более древней дефектной парадигмы типа *nōvī, nōstī*: формы *nōvistī, dīxistī* более поздние, чем *nōstī, dīxī*. В оскско-умбрском языке, где поздней пансигматической парадигмы перфекта и соответственно полной парадигмы перфекта на *-uī* не было, нет и элемента *-is-*.

Расхождение латинского и оскско-умбрского буд. II касается только суффикса: **-es-* в латинском и *-us-* в оскско-умбрском, в котором суф. *-es-*, как и *-s-*, закреплен за формами буд. I (например, умбр. *fer-es-t*, оск. *deiua-s-t*). Принимая, что в оскско-умбрском языке не было в отличие от латинского языка пансигматической парадигмы перфекта и соответственно полной парадигмы перфекта на *-uī*, я отхожу от объяснения происхождения оскско-умбрского суф. *-us-*, предложенного Р. фон Плантой и Джоном. Более вероятно, что в суф. *-us-* комбинируются обе приметы дефектной парадигмы сигматического аориста: элемент **-u-* как показатель 1 л. ед. ч. [ср. умбр. *subocau(u)* "invocavi"] и элемент **-s-* как показатель 2—3 л. ед. ч. и 3 л. мн. ч. Таким образом, латинскому суффиксу буд. II **-es-* отвечает в оскско-умбрском суф. **-us-*, маркированный сочетанием двух формантов **-u-* и **-s-*.

Итак, для раннего этапа дописьменного периода истории оскско-умбрского языка, как и латинского, можно реконструировать двухчленную категориальную систему: перфект, характеризующийся расширенной семантикой и доминирующим претеритальным значением, — производное сигматическое образование от основы перфекта со значением предпрошедшего времени. Общий для латинского и оскско-умбрского языка исторический сдвиг состоял в структурной трансформации, изменившей формальную и функциональную связь категорий: от протосистемы "перфект состояния — сигматический аорист со значением предшествования" к новой категориальной системе "перфект с расширенной семантикой, включающей сему претерита — производное образование от основы перфекта с относительно-временным значением предпрошедшего времени".

Дальнейшее развитие шло по-разному в латыни и оскско-умбрском языке. На это указывает различный статус перфекта в том и другом языке и в плане выражения и в плане содержания. В латинском языке перфект, как ни одна другая морфологическая категория, характеризуется сложной семантической сферой, в оскско-умбрском же перфект имеет значение только претерита. Это быстрое семантическое развитие оскско-умбрского перфекта в направлении к чистому претериту — процесс, завершившийся в латыни только в фазе романских языков, — повлекло за собой нейтрализацию противопоставления имперфект — перфект, слияние их в одну морфологическую категорию "перфект" за счет утраты перфектом древних окончаний и.-е. перфекта и распространения вторичных окончаний имперфекта-аориста: в 3 л. ед. ч. *-d* (*-t) и в 3 л. мн. ч. *-nt* (*-nt + s). Оскско-умбрский перфект, имея значение претерита, в определенном контексте мог выступать в роли плюсквамперфекта. В латинском языке, где перфект сохранил в какой-то степени значение и.-е. перфекта и его окончания, сформировалась отдельная морфологическая категория плюсквамперфекта.

Итак, от реконструируемой протосистемы "перфект состояния — сигматический аорист со значением предшествования" через общую ступень, когда полностью изменился противочлен перфекта в системе, к разным системам: в латинском "перфект — плюсквамперфект — буд. II", в оскско-умбрском "перфект-претерит — буд. II". Поскольку характер семантической оппозиции членов системы презенса, связанной с противопоставлением времени (настоящее — прошедшее — будущее), был принципиально иным, чем в системе перфекта, то вероятно, что для праиталийского языка следует реконструировать две автономные исходные системы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Meillet A. Esquisse d'une histoire de la langue latine. P., 1933. P. 28.
2. Leumann M. Lateinische Laut- und Formenlehre. München, 1977.
3. Kravar M. L'aspect verbal en latin à la lumière d'oppositions distinctives // *Živa Antika*. 1976. 25.
4. Pinkster H. Tempus, aspect and "Aktionsart" in Latin // *Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt*. 1983. Bd 29.
5. Kühner R., Stegmann C. Ausführliche Grammatik der lateinischen Sprache. 2. Tl. Bd I—II. Hannover, 1988.
6. Bader F. Flexions d'aoristes sigmatiques // *Etrennes de septantaine. Travaux de linguistique et de grammaire comparée offerts à Michel Lejeune*. P., 1978.
7. Ходорковская Е.Б. К проблеме индоевропейского сигматического аориста // ВЯ. 1983. № 6.
8. Ходорковская Е.Б. К проблеме корневого вокализма индоевропейского сигматического аориста (Вокализм сигматических образований глагола в латинском языке) // ВЯ. 1989. № 6.
9. Neue F., Wagener C. Formenlehre der lateinischen Sprache. Bd 3: Das Verbum. B., 1894. S. 428.
10. Vetter E. Handbuch der italischen Dialekte. Heidelberg, 1953.
11. Untermann J. Forschungsbericht. Die Iguvinischen Tafeln // *Klartylos*. 1960. Bd 5, S. 118.
12. Ernout A. Le dialecte ombrien. P., 1961. P. 80.
13. von Planta R. Grammatik der oskisch-umbrischen Dialekte. Bd I—II. Strassburg, 1892.
14. Bottiglioni G. Manuale dei dialetti italiani. Bologna, 1954. P. 137.
15. Pisani V. Le lingue dell'Italia antica oltre il latino. Torino, 1964.
16. Buck C.D. A grammar of Oscan and Umbrian. Boston, 1904.
17. Watkins C. Indogermanische Grammatik. Bd III. Heidelberg, 1969.
18. Poultney J.W. The bronze tables of Iguvium. Baltimore, 1959.
19. Benediktsson H. The vowel syncope in Oscan-Umbrian // *NTS*. 1960. Bd 19.
20. Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern, 1959.
21. Walde A., Hofmann J. Lateinisches etymologisches Wörterbuch. Bd I—II. Heidelberg, 1938—1954.
22. Devoto I. Tabulae Iguviniae. Roma, 1954.
23. Prosdocimi A. L'umbro // *Lingue e dialetti dell'Italia antica*. Roma, 1978.
24. Meïe A. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М., 1938. С. 140.
25. Ernout A., Meillet A. Dictionnaire étymologique de la langue latine. P., 1939.
26. Bruns C.G. Fontes iuris Romani antiqui. Tübingae, 1907.
27. Siegert H.K. Die Syntax der Tempora und Modi der ältesten lateinischen Inschriften (bis zum Tode Caesars). Würzburg, 1939. S. 11.
28. John J.S. The Oscan-Umbrian future perfect in *-us-* // *Orbis*. 1973. T. 22. № 1.
29. Beeler M.S. The Future Perfect in Oscan-Umbrian // *Italic and Romance. Linguistic studies in honor of Ernst Pulgram*. Amsterdam, 1980.